

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія М. И. Драгомирова королю, прибылъ въ Берлинъ состоявшій при его величествѣ генераль-маіоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ; его впослѣдствіи М. И. всегда вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ человѣка высокообразованнаго и въ высшей степени интереснаго собесѣдника. Сразу установившіяся между ними добрыя отношенія, обратившись въ дружескія, не прерывались до конца жизни этого достойнаго человѣка, умершаго въ 1873 году. Онъ до тонкости зналъ прусскую армію, всѣ ея порядки, обычаи и нравы; не даромъ ему посчастливилось имѣть въ ней, какъ и въ Берлинѣ вообще, обширныя знакомства.

М. И. обрадовался, когда узналъ, что онъ нашелъ возможнымъ и начальнику главнаго штаба генералу Мольтке и министру президенту князю (тогда графу) Бисмарку представиться вмѣстѣ съ нимъ.

Съ неподдѣльною искренностью Кутузовъ рассказывалъ, что, уѣзжая на два съ половиной мѣсяца изъ Берлина, онъ не могъ себѣ представить такой близости войны; ничто не предвѣщало разрыва отношеній и, если были шероховатости въ сношеніяхъ прусскаго кабинета съ австрійскимъ, то лишь такія, которыя наиболѣе близко стоявшимъ къ дѣлу людямъ казались совершенно обыкновенными, мимолетными, ничего незначившими и вообще такими, которыя не могли оставить слѣдовъ въ дальнѣйшей сосѣдской жизни двухъ такихъ крупныхъ державъ. „Довольно взглянуть теперь на короля, говорилъ онъ, чтобы придти къ убѣжденію, что два мѣсяца тому назадъ онъ ничего не подозрѣвалъ, что все теперь ему тяжело свалилось на голову, какъ снѣгъ, что онъ до сихъ поръ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1910 г.

не освоился съ происшедшимъ и не можетъ, даже въ мысляхъ, справиться съ предстоящей бѣдой, съ нависшею надъ его государствомъ грозей. По всему видно, что дьявольскій планъ всецѣло созрѣлъ „въ крупной башкѣ Оттона“ и что, начавъ его единолично, онъ довелъ все дѣло до конца, никому не открывъ ничего изъ намѣченнаго, а королю, быть можетъ менѣе, чѣмъ кому-либо другому“...

Такъ просто говорилъ графъ Кутузовъ ¹⁾ Михаилу Ивановичу объ этихъ сложныхъ дѣлахъ, поразившихъ не только его, но и всѣхъ вообще своею неожиданностью, запутанностью, а также ужа-сающимъ ехидствомъ.

„Прибывъ въ частный кабинетъ Бисмарка, мы ни одной минуты не ждали выхода его, вспоминалъ Мих. Ив.; никогда не забуду, сказалъ онъ, что разъ въ жизни пришлось войти для представленія къ большому человѣку въ ту самую минуту, когда онъ одновременно вошелъ для встрѣчи въ другую дверь своего кабинета; онъ, видимо, насъ поджидалъ и подкарауливалъ; въ этомъ видно было что-то болѣе образцовое, чѣмъ всякая вообще пунктуальная исполнительность, свойственная и присущая нѣмцамъ.

¹⁾ Собственно въ то время графъ Василій Павловичъ Голенищевъ-Кутузовъ состоялъ въ должности нашего военнаго агента при прусской главной квартирѣ; обстоятельства войны, а также особенно близкія дружественно-родственныя отношенія между нашимъ Государемъ и его дядей—прусскимъ королемъ, выдвинули этого достойнаго генерала на постъ представителя Императора Александра II-го при особѣ Вильгельма короля—впослѣдствіи Императора; графъ Голенищевъ-Кутузовъ пробылъ въ этой должности все время австро-прусской войны; франко-германская кампанія 1870 г. особенно сблизила его съ королевской фамиліей; въ 1873 г. онъ скончался на этомъ посту въ званіи генераль-адъютанта и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи; съ тѣхъ поръ эта должность, созданная при вліяніи его способностей, знаній и закрѣпленная его тактомъ и умѣньемъ, была до конца царствованія Императора Александра II замѣщаема выдающимися генералами изъ числа приближенныхъ къ Государю лицъ; Императоръ Александръ III, несмотря на ломку, которой нашелъ нужнымъ подвергнуть свои отношенія къ прусскому двору, не отмѣнилъ этого принятаго его родителемъ обычая; должность эта и теперь сохранена; въ нее преименно назначаются особыя лица по Царскому выбору.— Въ царствованіе Императора Александра III нѣкоторое время при германскомъ Императорѣ состоялъ свиты Е. В. генераль-маіоръ графъ Александръ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ,—сынъ Василія Павловича.— Нечего говорить о томъ, что и германскій Императоръ постоянно назначаетъ довѣренное лицо состоять при особѣ нашего Государя.—Эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ пользовавшійся большою любовью при дворѣ Императора Александра II и Императора Александра III генераль-адъютантъ германскаго Императора фонъ-Вердеръ.

„Вышедшій ¹⁾ намъ навстрѣчу пятидесятилѣтній, высокій, коренастый мужчина съ громадной головой, дружески протянулъ руку Кутузову, сказалъ ему по-нѣмецки вполголоса, какъ бы мимоходомъ: поражены? и, не дождавшись сконфуженно пробормотанныхъ словъ отвѣта, повернулся ко мнѣ, привѣтствуя на французскомъ языкѣ“.

„Признаюсь, большое впечатлѣніе произвела на меня при первомъ знакомствѣ эта „во всѣхъ смыслахъ крупная башка“, говорилъ М. И. Нисколько не стараясь показаться любезнымъ, Бисмаркъ держалъ себя, какъ человѣкъ вполнѣ увѣренный во всемъ, что касалось предпринятыхъ имъ дѣлъ; онъ, видимо, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ только ожидалъ скорѣйшаго хода событій и конца всей заваренной имъ кутерьмы; нетерпѣніе его сказывалось во всемъ,—между прочимъ въ томъ, что говорилъ онъ много, очень спѣшно и на разныхъ языкахъ.

Съ Кутузовымъ онъ обращался, какъ съ человѣкомъ, къ которому совершенно привыкъ, а ведя бесѣду, старался обращаться одинаково къ обоимъ. Кинувъ при встрѣчѣ нѣмецкое слово, онъ долго говорилъ по-французски, затѣмъ нѣкоторое время велъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ.

— Будь что будетъ, произнесъ Бисмаркъ, между прочимъ, по-русски; мы не столько надѣемся на успѣхъ исхода начатой борьбы, сколько увѣрены въ немъ. Къ тому все шло, продолжая по-французски, заторопилъ онъ свою рѣчь; къ тому все шло и продолжаетъ идти; не даромъ вся, Богомъ отмѣченная и отличенная, нація вообще и ея армія въ особенности, такъ долго и упорно работали надъ собой; иной исходъ тутъ немислимъ; преступно было бы кому-нибудь изъ насъ думать иначе. Предстоящая кампанія должна показать, что тамъ, гдѣ Богъ посылаетъ громадную силу равномерной служебной работѣ всѣхъ отъ мала до велика,—побѣда уже видѣется; всему міру извѣстенъ образецъ службы нашихъ королей; искони они были первыми слугами отечеству и уважали законъ; за ними идетъ все въ Пруссіи, а въ этомъ залогъ всевозможныхъ удачъ и успѣховъ“.

Часто вспоминая эти слова, М. И. разбиралъ ихъ на разные лады и именно по поводу нихъ, въ своемъ отчетѣ о кампаніи 1866 года привелъ замѣчанія, вполнѣ согласныя съ выводами Бисмарка о томъ, что въ Пруссіи громадное уваженіе къ закону вошло глубоко въ сознание cadaго человѣка, къ какому сословію онъ ни принадлежалъ бы; какъ частное проявленіе уваженія къ закону, Мих. Ив. отмѣтилъ сознание воинскаго долга и вы-

¹⁾ Оттонъ Леопольдъ Эдуардъ графъ фонъ Бисмаркъ Шенгаузенъ родился въ 1814 году.

ставилъ его безспорно одною изъ первыхъ причинъ, обусловливавшихъ побѣды прусскихъ армій ¹⁾).

— „Много лѣтъ знаю я Оттона, знаю его манеры, характеръ, нравъ, умъ, сказалъ Кутузовъ, выйдя изъ кабинета Бисмарка, но теперь только впервые передо мной открылся этотъ дьяволъ во всей полнотѣ; зажалъ же онъ въ свои тиски бѣднаго Вильгельма; король, надо полагать, даже шесть недѣль тому назадъ могъ бы скорѣй повѣрить тому, что прусскій престолъ онъ будетъ обязанъ сегодня передать своему семилѣтнему внуку; ему не могло въ голову придти все то, что вызвано этимъ сатанинскимъ вихремъ; никогда не думалъ онъ, что будетъ такъ быстро вовлеченъ въ войну съ Австріей; изволь теперь справляться со всей Германіей; развѣ могъ онъ хоть одну минуту допустить мысль объ этомъ? Вотъ какой примѣръ въ новѣйшей исторіи: король сегодня не знаетъ куда завтра, умысленно и сознательно, поведетъ его и его королевство первый министръ; въ то время, когда этотъ министръ все рѣшилъ, король, за нѣсколько недѣль до объявленія войны, не зналъ, что придется ее объявить, и что это уже вполнѣ безповоротно рѣшено; быть можетъ, онъ этого не зналъ также, какъ не зналъ любой полковой командиръ, который могъ лишь чувствовать, что гроза надвигается, и вѣрить въ то, что она не надвинется.

„Все это вышло поразительно, говорилъ М. И., но многое только такъ казалось; Вильгельмъ несомнѣнно былъ однѣхъ мыслей, однѣхъ стремленій съ Бисмаркомъ и со всѣми пруссаками, а если этотъ министръ что-либо предвосхитилъ,—такъ развѣ моментъ объявленія войны: король, жаждавшій нѣмецкаго объединенія, вѣроятно не находилъ возможнымъ столкнуться съ Австріей такъ скоро послѣ датской войны; Бисмаркъ ускорилъ событія помимо его воли. Удивительнѣе же всего было то, продолжалъ М. И., что другой человекъ, которому слѣдовало быть на чеку, такъ ужасно прозѣвалъ; нельзя было не поражаться тѣмъ, что императоръ французовъ Наполеонъ III, мнившій себя распорядителемъ судебъ не только Европы, но всего міра, вздумавшій, по примѣру своего великаго дяди, создавать и раздавать престолы,—далъ Бисмарку себя обойти и упустилъ изъ виду то обстоятельство, что въ когтяхъ этого человека, скованнаго изъ желѣза, какъ Данію быстро смѣнила Австрія, такъ мѣсто Австріи должна была немедленно же заступить Франція....“

А. Е. К.

¹⁾ Отчетъ свой М. И. Драгомировъ очень скоро составилъ при содѣйствіи Генер. Штаба капитана Ф. А. Фельдмана. См. очерки Австро-Прусской войны 1866 г. (№ 3 журнала „Военный Сборникъ“ за 1867 годъ).